

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Синклер Льюис
Бэббит

Читай и понимай без словаря

Синклер Льюис

Бэббит. Англо-русская билингва

«Автор»

2026

Льюис С.

Бэббит. Англо-русская билингва / С. Льюис — «Автор», 2026

Хотите читать Синклера Льюиса на английском с переводом? Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы. «Бэббит» — сатирический роман о Джордже Бэббите, успешном агенте по недвижимости из вымышленного города Зенит. У него есть дом, семья, машина и membership в правильных клубах. Но однажды он понимает, что его жизнь пуста, и пытается взбунтоваться против конформизма. Льюис написал книгу, за которую получил Нобелевскую премию, и имя Бэббита стало нарицательным для обывателя. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей. Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер.

© Льюис С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Синклер Льюис
Бэббит. Англо-русская билингва

Глава

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Синклер Льюис
БЭББИТ

Читай и понимай без словаря

Хотите читать Синклера Льюиса на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Бэббит» — сатирический роман о Джордже Бэббите, успешном агенте по недвижимости из вымышленного города Зенит. У него есть дом, семья, машина и membership в правильных клубах. Но однажды он понимает, что его жизнь пуста, и пытается взбунтоваться против конформизма. Льюис написал книгу, за которую получил Нобелевскую премию, и имя Бэббита стало нарицательным для обывателя. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер.

© Самойлов А.Г., 2026г.

Sinclair Lewis Синклер Льюис
Babbitt Бэббит

1

The Zenith towers cut into the morning mist; Башни Зенита врезались в утреннюю мглу; stern towers of steel, concrete and stone, indestructible as a rock and light as silver arrows. суровые башни из стали, бетона и камня, несокрушимые, как скала, и легкие, как серебряные стрелы. These were not churches, not fortresses - it was immediately obvious that these were magnificent buildings of commercial enterprises. Это были не церкви, не крепости, — сразу было видно, что это — великолепные здания коммерческих предприятий.

The fog, out of pity, hid the unsightly buildings of bygone years: Туман из жалости прикрывал неприглядные строения прошлых лет: the post office with its ornate tiled roof, the red brick towers of clumsy old dwellings, factories with their smoky window chimneys, and dirty-colored wooden houses. почту с вычурной черепичной крышей, красные кирпичные вышки неуклюжих старых жилищ, фабрики со скважинами задымленных окон, деревянные дома грязного цвета. The city was full of such monstrosities, but the slender towers pushed them out of the center, and on the distant hills new houses sparkled, where joy and peace seemed to dwell. В городе полно было таких уродов, но стройные башни вытесняли их из центра, а на дальних холмах сверкали новые дома, где, казалось, обитают радость и покой.

A limousine sped across the concrete bridge – long, shiny, with a silent engine. Через бетонный мост промчался лимузин — длинный, блестящий, с бесшумным мотором. Its owners, cheerful and dressed up, were returning from a night rehearsal of the "Intimate Theatre", where love of art was fueled by no small amount of champagne. Его владельцы, веселые, разодетые, возвращались с ночной репетиции «Интимного театра», где любовь к искусству подогревалась немалой долей шампанского. Beyond the bridge, a railroad track ran in a tangle of green and scarlet lights. За мостом шло железнодорожное полотно в путанице зеленых и алых огней. A New York express roared past, and twenty steel rails sparkled in the blinding light. С гулом пролетел нью-йоркский экспресс, и двадцать стальных рельсов сверкнули в ослепительном свете.

One of the skyscrapers received the last telegrams from the Associated Press. Водном из небоскребов приняли последние телеграммы агентства Ассошиэйтед Пресс. Telegraph operators tiredly pushed their celluloid visors from their foreheads - they had been talking with Paris and Peking all night. Телеграфисты устало сдвинули со лба целлулоидные козырьки — всю ночь шел разговор с Парижем и Пекином. Sleepy cleaning women crawled through the building, slapping their

old shoes. По зданию расползлись сонные уборщицы, шлепая старыми туфлями. The morning fog cleared. Утренний туман рассеялся. Strings of people with breakfasts in their hands stretched to the gigantic new factories - solid glass and hollow brick - to the sparkling workshops where five thousand people worked under one roof, producing high-quality goods that would go to the banks of the Euphrates and to the African veld. Вереницы людей с завтраками в руках тянулись к гигантским новым заводам — сплошное стекло и полый кирпич, — в сверкающие цехи, где под одной крышей работало пять тысяч человек, производя добротный товар, который пойдет и на берега Евфрата, и в африканские вельды. Hours greeted them with a cheerful hum, a cheerful, like an April dawn, a song of labor, in a city that seemed built for giants. Гудки встречали их веселым гулом, бодрой, как апрельский рассвет, песней труда, в городе, словно воздвигнутом для великанов.

There was nothing "giant" about the man who was waking up at that moment on the enclosed veranda of a colonial-style mansion in that elegant suburb of Zenith known as "Flowering Hills." Ничего «великанского» не было в человеке, который в эту минуту просыпался на закрытой веранде особняка колониального стиля, в том изысканном предместье Зенита, которое носило название «Цветущие Холмы».

His name was George F. Babbitt. Звали его Джордж Ф Бэббит. In April of that year, one thousand nine hundred and twenty, he was already forty-six years old, and he, in fact, did not know how to produce anything: В апреле этого, тысяча девятьсот двадцатого, года ему было уже сорок шесть лет, и он, в сущности, ничего не умел производить: neither butter, nor shoes, nor poetry - but he was excellent at selling houses at a price that few could afford. ни масла, ни башмаков, ни стихов, — зато превосходно умел продавать дома по цене, которая мало кому была по карману.

He had a large, pink skull, covered with sparse, dryish brown hair. У него был большой, розовый череп, покрытый редкими суховатыми каштановыми волосами. His face in sleep seemed quite childish, despite the wrinkles and the red dents on his nose from his glasses. Лицо его во сне казалось совсем ребяческим, несмотря на морщины и красные вмятины от очков на носу. He was not too fat, but well nourished; Он был не слишком толст, но отлично упитан; his cheeks were like pillows, and his manicured hand, lying on top of his army blanket, was slightly swollen. щеки его походили на подушки, а холеная рука, лежавшая поверх армейского одеяла, слегка отекала. It was immediately obvious that he was well-off, hopelessly married and prosaic. Сразу было видно, что он состоятелен, безнадежно женат и прозаичен. And the enclosed porch on which he slept was extremely prosaic: Да и закрытая веранда, на которой он спал, была чрезвычайно прозаична: from it one could see a fairly large elm tree, two neat strips of lawn, a concrete path and a corrugated iron garage. с нее был виден довольно большой вяз, две аккуратные полоски газона, бетонная дорожка и гараж из рифленого железа. And yet Babbitt again dreamed of the young enchantress, and his dream was more poetic than the scarlet pagodas by the silver sea. И все же Бэббиту опять снилась юная волшебница, и сон его был поэтичнее алых пагод у серебряного моря.

For many years the young sorceress had appeared to him in his dreams. Уже много лет юная волшебница являлась ему во сне. And if others saw in him only Georgie Babbitt, for her he was young and courageous. И если другие видели в нем только Джорджи Бэббита, для нее он был молод и отважен. She waited for him in the semi-darkness of the fairy groves. Она ждала его в полутьме сказочных рощ. And as soon as he managed to get away from the domestic hustle and bustle, he rushed to her. И как только ему удавалось уйти от домашней толчеи, он мчался к ней. His wife, noisy friends - everyone tried to catch up with him, but he ran after his light-footed friend, and they sat down to rest on a shady hill. Жена, крикливые друзья — все пытались догнать его, но он убегал за легконогой подругой, и они садились отдохнуть на тенистом холме. She was so thin, so bright, so affectionate! Она была такая тоненькая, такая светлая, такая ласковая! She assured him that he was cheerful and brave, that she would wait patiently and they would sail far, far away ... Она уверяла его, что он веселый и храбрый, что она будет терпеливо ждать и они уплывут далеко-далеко...

The rumble and clatter of a milk van... Грохот и стук молочного фургона...

Babbitt groaned and turned over on his side, trying to go back to sleep. Бэббит застонал, повернулся на бок, пытаясь возвратиться в сон. But her face only flashed before him for an instant through the foggy haze. Но ее лицо только на миг мелькнуло перед ним сквозь туманную мглу. The stoker slammed the basement door. Истопник грохнул дверью подвала. A dog began to bark in the neighboring yard. В соседнем дворе залаяла собака. And as Babbitt sank back into the blissful warmth, the postman, whistling, passed the front door, and the folded copy of the Advocate fell with a thud onto the floor by the door. И когда Бэббит снова погрузился в блаженную теплую волну, почтальон, посвистывая, прошел мимо парадного, и свернутый номер «Адвоката» со стуком полетел на пол у двери. Babbitt shuddered, and his stomach sank with fright. Бэббит вздрогнул, с испугу у него сразу засосало в животе. And just as he calmed down again, he was pierced by the familiar, disgusting sound of a Ford being started nearby: И только он снова успокоился, его пронзил знакомый противный звук — рядом заводили форд: “Pff-f-u-u, pff-u-u, pff-u-u!” «пф-ф-у-у, пфф-у-у, пфф-у-у! Babbitt, himself an ardent motorist, mentally began to turn the handle along with the invisible driver, He waited tensely with him until the engine began to hum, and suffered with him when the engine stalled and that nasty, corrosive “pff-f-u-u, pff-u-u” began again—a sound somehow round, flat, chilly in the morning, infuriating, inexorable sound. » Бэббит — сам страстный автомобилист — мысленно стал крутить ручку вместе с невидимым водителем, вместе с ним напряженно ждал, пока не загудит мотор, вместе с ним мучился, когда мотор заглох и снова пошло противное, въедливое «пф-ф-у-у, пфф-у-у», — звук был какой-то круглый, плоский, по-утреннему зябкий, доводящий до бешенства, неумолимый звук. And only when the growing hum of the engine told him that the Ford had started, Babbitt sighed with relief, calmly looked at his favorite tree—the branches of the elm stood out clearly against the gilding of the sky—and began to grope for sleep, as one gropes for a sleeping pill. И только когда нарастающий гул мотора сказал ему, что форд пошел, Бэббит с облегчением вздохнул, спокойно посмотрел на свое любимое дерево — ветви вяза четко выступали на позолоте неба — и стал нащаривать сон, как шарят в поисках снотворного. He, who in childhood had been so trusting of life, was now almost indifferent to all the conceivable and inconceivable events that the coming day promised him. Он, который в детстве так доверчиво относился к жизни, теперь был почти равнодушен ко всем мыслимым и немыслимым происшествиям, которые ему сулил наступающий день.

And he again escaped from reality until the alarm rang at seven twenty. И он снова ушел от действительности, пока в семь двадцать не зазвонил будильник.

It was the best of the widely advertised alarm clocks in production, with all sorts of innovations such as a bell ringing, alternating striking, and a luminous dial. Это был лучший из широко разрекламированных будильников серийного выпуска, со всякими новшествами, вроде колокольного звона, переменного боя и светящегося циферблата. Babbitt was proud to be awakened by such a magnificent mechanism. Бэббит гордился тем, что его будит такой великолепный механизм. It raised a person in the eyes of society as much as buying the most expensive tires for a car. Это так же поднимало человека в глазах общества, как покупка самых дорогих шин для автомобиля.

He reluctantly admitted that there was no way out—he had to get up, but he did not get up, feeling how much he hated the dull and monotonous work in the real estate office, how disgusted he was with his family, and how disgusted he was with himself for disgusting them. С неохотой он признал, что выхода нет — надо вставать, но не встал, чувствуя, как ненавистна ему скучная и однообразная работа в конторе по продаже недвижимости, как противна семья и как он сам себе противен за то, что они ему противны. The night before, he had played poker at Virgil Ganch's until midnight, and after such entertainment he was always in a bad mood before breakfast. Накануне он до полуночи играл в покер у Верджила Гэнча, а после таких развлечений он всегда до завтрака бывал не в духе. Either he drank too much beer, which was home-brewed during Prohibition,

and after the beer he smoked too many cigars, or he was upset at returning from good, solid male company to the limited world of wives and stenographers, where they were constantly pestering you not to smoke so much. То ли он выпивал слишком много пива, которое при сухом законе варили дома, и после пива выкуривал слишком много сигар, то ли ему бывало обидно возвращаться из хорошей, крепкой мужской компании в ограниченный мирок жен и стенографисток, где все время пристают, чтобы ты не курил так много.

From the bedroom that opened onto the terrace came the sickeningly cheerful voice of the wife: Из спальни, выходящей на террасу, раздался до тошноты бодрый голос жены: “Time to get up, Georgie, darling!” «Пора вставать, Джорджи, милый! - and that itching sound, that rustling and crackling sound of combing hair with a hard brush. » — и этот зудящий звук, этот шорох и треск от вычесывания волос из жесткой щетки.

He grunted under his breath, pulled his thick legs in baby-blue pajama bottoms out from under the army blanket, and sat on the edge of the bed, ruffling his tousled hair and mechanically feeling for his slippers with his thick feet. Он хрюкнул себе под нос, выпростал толстые ноги в младенчески-голубых пижамных брюках из-под армейского одеяла и сел на край кровати, ероша растрепанные волосы и машинально нащупывая толстыми ступнями ночные туфли. He looked sadly at the thick, khaki army blanket—a constant reminder of freedom and heroic adventure. С грустью он взглянул на плотное защитного цвета армейское одеяло — постоянное напоминание о свободе и героических приключениях. The blanket had been bought for a camping trip that never took place. Одеяло было куплено для туристской вылазки, которая так и не состоялась. It had become a substitute for unrestrained idleness, unrestrained swearing, and manly flannel shirts. Оно стало заменой безудержного безделья, безудержного сквернословия и мужественных фланелевых рубашек.

With difficulty stretching his joints, he rose to his feet and groaned from the painful stinging in his eyes. С трудом разминая суставы, он поднялся на ноги и застонал от болезненной рези в глазах. And although he expected that the attack of cutting pain might be repeated, he nevertheless looked around his yard with a dull gaze. И хотя он ждал, что приступ режущей боли может еще повториться, он все же обвел мутным взглядом свой дворик. And, as always, it gave him great pleasure. И, как всегда, это доставило ему огромное удовольствие. The yard was cleaned and scraped, as befits the yard of a successful Zenit businessman, that is, it was an excellent yard, which aroused in the owner a feeling of his own superiority. Двор был вычищен и выскоблен, как положено двору преуспевающего зенитского коммерсанта, то есть это был превосходный двор, который вызывал у хозяина чувство собственного превосходства. Babbitt looked at the iron garage and thought, as he thought three hundred and sixty-five times a year: Бэббит посмотрел на железный гараж и подумал, как думал триста шестьдесят пять раз в году: “Cheap, what good is this tin thing? «Дешевка, куда она годится, эта жестянка? I’ll have to build a good wooden garage. Надо будет выстроить хороший деревянный гараж. But, honestly, there is nothing else outdated on the site! Но, честное слово, больше на участке ничего устаревшего нет!” »

Looking at his garage, he thought that Glen Oriole, where he was developing lots, needed a public garage. Глядя на свой гараж, он подумал, что в Глен-Ориоле, где он застраивал участки, нужен общественный гараж. He stopped puffing and shivering. Он перестал пыхтеть и поеживаться. He put his hands on his hips. Он упер руки в бока. His frowning, sleep-swollen face suddenly became determined and firm. Насупленное, опухшее от сна лицо вдруг стало решительным и твердым. He immediately became a boss, a businessman, one of those who know how to plan, manage, and achieve his goals. Он сразу стал хозяином, дельцом, из тех, кто умеет планировать, управлять, добиваться своего.

And under the influence of these thoughts, he resolutely walked along the empty, clean, seemingly uninhabited corridor to the bathroom. И под воздействием этих мыслей он решительно зашагал по пустому, чистому, словно необитаемому, коридору в ванную.

Although the house was small, but, like all the mansions of Flowery Hills, the bathroom in it was truly royal - solid earthenware, ceramic tiles and metal shining with silver. Хотя дом был невелик, но, как во всех особняках Цветущих Холмов, ванная в нем была поистине королевская — сплошной фаянс, керамические плитки и блистающий серебром металл. The heated towel rail was made of frosted glass, set in nickel. Сушилка для полотенец была сделана из матового стекла, оправленного в никель. A Prussian guard could easily fit in the bathtub, and above the washbasin built into the wall there were such intricate and dazzling devices for toothbrushes, razors, soap dishes and sponges, such a stunning medicine chest that it seemed like you were standing in front of the switchboard of a power plant. В ванне легко поместился бы прусский гвардеец, а над вделанным в стену умывальником красовались такие замысловатые и ослепительные приспособления для зубных щеток, бритвенных приборов, мыльниц и губок, такая потрясающая аптечка, что казалось, стоишь перед распределительным щитом электростанции. But Babbitt, whose idol was the Newest Equipment, winced with displeasure. Но Бэббит, чьим идолом было Новейшее Оборудование, недовольно поморщился. The whole bathroom smelled of some disgusting toothpaste. Вся ванная пропахла какой-то мерзкой зубной пастой. “Verona at it again! «Опять Верона за свое! How many times have I asked her “Buy Lilidol!” Сколько раз я ее у-пра-ши-вал — покупай „Лилидол“! — and she again brought some stinking nastiness that makes me sick...” — а она опять притащила какую-то вонючую пакость, от которой тошнит...»

The mat near the bathtub was crumpled, the floor was wet. Циновка возле ванны смята, пол мокрый. Verona, his daughter, sometimes gets the idea of taking a bath early in the morning! У Вероны, его дочери, иногда появляется фантазия — принимать ванну рано утром! He slipped on the mat and hit the bathtub. Он поскользнулся на циновке, ударился о ванну. “Damn!” «Черт! he cursed. » — выругался он. He fiercely grabbed the shaving cream, fiercely lathered himself up, belligerently slapping the foamy brush, and fiercely began to scrape his fat cheeks with a safety razor. Свирепо схватил крем для бритья, свирепо намылился, воинственно шлепая пенной кисточкой, и свирепо стал скрести толстые щеки безопасной бритвой. The razor was not working. Бритва не шла. The blade was dull. Лезвие притупилось. He cursed again: Он опять выругался: “Oh, sh-sh-sh-damn!” «О, ч-чч-черпт! »

He spent a long time searching the medicine cabinet for a pack of new blades and, as always, thought: Он долго искал в аптечке пачку новых лезвий и, как всегда, подумал: “It’s cheaper to buy that, what’s-its-name thing, and sharpen the razors myself!” «Дешевле купить эту, как ее там, штуквинку и самому править бритвы! Finding the blades behind a round box of baking soda, he mentally condemned his wife for putting them there and praised himself for holding back and not telling her to go to hell. » Найдя лезвия за круглой коробкой с содой, он мысленно осудил жену за то, что она их туда засунула, и похвалил себя за то, что удержался и не послал ее к черту. But he immediately cursed out loud, trying with wet, soap-slick fingers to remove the vile wrapper and thick, sticky wax from the new blade. Но он тут же чертыхнулся вслух, пытаясь мокрыми, скользкими от мыла пальцами снять с нового лезвия эту гнусную обертку и плотную липкую вощанку.

Then, as always, he was faced with the eternal and insoluble problem of what to do with the old razor blade so that the children would not cut their fingers. Потом, как всегда, перед ним встала вечная и неразрешимая задача — куда девать старое лезвие, чтобы дети не порезали пальцы. And, as always, he tossed it on top of the medicine cabinet, reminding himself that he would certainly have to put away all fifty or sixty razors that had already accumulated there. И, как всегда, он забросил его на аптечку, напоминая себе, что непременно надо будет убрать все пятьдесят или шестьдесят лезвий, которые там уже накопились. He finished shaving, angry at the growing headache, at the emptiness in his stomach. Он кончил бриться, злясь на растущую головную боль, на пустоту в желудке. With a damp, smooth face from shaving, with his eyes burning from the soapy water, he reached for a towel. С влажным, гладким от бритья лицом, с горящими от мыльной воды глазами, он потянулся за полотенцем. - All the towels were soaking wet, sticky, disgusting,

he grabbed them blindly, sorted through them: — Все полотенца были мокрые насквозь, липкие, противные, он хватал их вслепую, перебирал: his personal towel, his wife's towel, Ted's, Verona's, Tinky's, the bath sheet with the thick mark - every single one of them wet! его личное полотенце, полотенце жены, Теда, Вероны, Тинки, купальная простыня с толстой меткой — все до одного мокрые! And then George F. Babbitt did a terrible thing - he dried himself with a guest towel. И тут Джордж Ф Бэббит сделал ужасающую вещь — он утерся полотенцем для гостей. Thin, embroidered with pansies, it always hung in the bathroom as proof that the Babbitts belonged to the best society of Flowery Hills. Тонкое, вышитое анютиными глазками, оно всегда висело в ванной, как доказательство того, что Бэббиты принадлежат к лучшему обществу Цветущих Холмов. No one ever used this towel. Полотенцем этим никто никогда не пользовался. The guests did not even dare touch it. Гости и дотронуться до него не решались. They furtively wiped their hands with the end of one of the host's towels. Они украдкой вытирали руки концом какого-нибудь хозяйского полотенца.

Babbitt raged: Бэббит бушевал: “It’s outrageous, they’re grabbing all the towels, not a single one, damn it, will they leave, they’re all wet as a sponge, they should have thought to prepare a dry one for me! «Безобразие, хватают все полотенца, ни одного, черт подери, не оставят, все мокрые, как губка, хоть бы догадались приготовить для меня сухое! You have to suffer here because of them, you needed a towel - and here you are! Мучайся тут из-за них, понадобилось полотенце — и вот тебе! Honestly, I’m the only person in this damned house who still somehow, damn me, thinks about others, I’m the only one who understands that others will have to use this damned bathroom after me, I’m the only one who cares...” Честное слово, я единственный человек в этом проклятом доме, который еще хоть как-то, будь я проклят, думает о других, один я понимаю, что другим тоже после меня придется пользоваться этой проклятой ванной, один я забочусь...»

He threw this wet abomination into the bathtub, listening with glee as the towels sadly flopped to the bottom, but then his wife came in with a serene look and serenely asked: Он швырял, эту мокрую мерзость в ванну, злорадно слушая, как полотенца уныло плюхаются на дно, но тут с безмятежным видом вошла его жена и безмятежно спросила:

- Georgie, darling, what are you up to? — Джорджи, милый, что это ты затеял? Do you really want to wash the towels? Уж не хочешь ли ты стирать полотенца? Why do you need to wash them? Зачем тебе их стирать?... My God, Georgie, did you really dry yourself with the guest towel? Боже мой, Джорджи, неужели ты вытерся гостевым полотенцем?

Whether he answered her or not, history is silent about this. Ответил он ей или нет — об этом история умалчивает.

But for the first time in many weeks, his wife touched him so much that he even looked at her. Но впервые за много недель жена его настолько задела, что он даже посмотрел на нее.

Myra Babbitt, Mrs. George F. Babbitt, was nothing if not overripe. Майру Бэббит, миссис Джордж Ф Бэббит, — иначе, как перезрелой, назвать было трудно. Lines ran from the corners of her mouth to her chin, and her full neck drooped. От углов рта к подбородку шли морщинки, полная шея отвисла. But what most emphasized her age was the obvious lack of embarrassment before her husband and the fact that she herself was not at all embarrassed by it. Но больше всего ее возраст подчеркивало явное отсутствие стеснения перед мужем и то, что ее самое это ничуть не смущало. Now she stood before him in a petticoat and a corset from which her body bulged in folds, and did not even notice that the corset was tight. Сейчас она стояла перед ним в нижней юбке и корсете, из которого складками выпирало тело, и даже не замечала, что корсет ей тесен. She had become so accustomed to family life that, with all her femininity, she had become sexless, like a bloodless nun. Она настолько привыкла к семейной жизни, что при всей своей женственности стала бесполой, как бескровная монашка. She was a kind, nice, hard-working woman, but no one, except perhaps Tinka, their ten-year-old daughter, was interested in her or even noticed her

existence. Женщина она была добрая, славная, работающая, но никто, кроме, пожалуй, Тинки, их десятилетней дочери, не интересовался ею и даже не замечал ее существования.

After a rather meticulous discussion of the towel question from both the family and social points of view, she apologized to Babbitt for his hangover headache, and he had recovered so much that he even allowed her to look for his mesh shirt, which, as he caustically remarked, someone had deliberately stuffed under his clean pajamas. После довольно придирчивого обсуждения полотенечного вопроса с обеих точек зрения — как семейной, так и общественной, — она попросила у Бэббита прощения за то, что у него с похмелья болит голова, а он настолько пришел в себя, что даже позволил ей поискать его сетчатую рубашку, которую, как он едко заметил, кто-то нарочно засунул под чистые пижамы.

He softened completely when the question of his brown suit came up. Он совсем смягчился, когда стали обсуждать вопрос о его коричневом костюме.

"Well, Myra?" — Так как же, Майра? He was rummaging through a pile of clothes thrown on a chair in the bedroom, and Myra was walking around the room, somehow adjusting and straightening her petticoat, and Babbitt looked at her with a bilious look - it seemed to him that she would never finish dressing. — Он рылся в грудe одежды, брошенной на кресло в спальне, а Майра расхаживала по комнате, каким-то непонятным образом прилаживая и расправляя нижнюю юбку, и Бэббит смотрел на нее желчным взглядом — ему казалось, что она век не кончит одеваться. "Should I wear the brown suit again today or not?" — Надеть мне сегодня опять коричневый костюм или нет?

- It suits you very well! — Он тебе очень к лицу!

- I know, but you see, it's time to iron it. — Знаю, но, понимаешь, пора бы его выгладить.

- That's true. — Это-то верно. Perhaps it's time. Пожалуй, пора.

- Yes, it doesn't interfere with ironing it, it doesn't interfere. — Да, не мешает его выгладить, не мешает.

- Yes, I should have it ironed. — Да, надо бы его отдать выгладить.

- But you don't have to iron the jacket! — Но пиджак-то можно не гладить! Why the hell give the whole suit to be ironed when the jacket doesn't need ironing at all. На кой же черт отдавать в глажку весь костюм, когда пиджак вовсе и не надо гладить.

- True, it seems there is no need. — Правда, как будто незачем.

- But the trousers need to be ironed, they really need to be ironed. — Но брюки-то отгладить нужно, очень нужно. Just look - see how wrinkled they are. Ты только погляди — видишь, как они измялись. No, the trousers definitely need to be ironed. Нет, брюки обязательно надо отгладить.

- Yes, we must. — Да, надо. Listen, Georgie, why don't you wear those blue trousers we didn't know what to do with your brown jacket? Слушай, Джорджи, а почему бы тебе не надеть к коричневому пиджаку те синие брюки, которые мы не знали, куда девать?

- Oh, my God! — Фу-ты господи! Have you ever in your life seen me wear trousers from one suit and a jacket from another? Да разве ты когда-нибудь в жизни видел, чтобы я надел брюки от одного костюма, а пиджак от другого? Who do you think I am? Кто я, по-твоему, такой? A thieving accountant, or what? Проворовавшийся бухгалтер, что ли?

- Well, okay, why don't you wear a dark gray suit today and drop off some brown trousers at the tailor's on the way? — Ну хорошо, а почему бы тебе не надеть сегодня темно-серый костюм, а по дороге занести портному коричневые брюки?

- Yes, of course, it doesn't interfere with their... oh, damn, where is that grey suit? — Да, безусловно, не мешает их... а, черт, да где же этот серый костюм? Aha, here it is! Ага, вот он!

Then dressing went much faster and calmer. Дальше одеванье пошло уже гораздо быстрее и спокойнее.

The first thing he did was put on a fishnet vest, which made him look awfully like a boy wearing gauze armor at a school masquerade. Первым делом он натянул сетку-безрукавку, в которой он

был ужасно похож на мальчишку, напялившего марлевые латы на школьном маскараде. When putting on the fishnet underwear, Babbitt always thanked the God of Progress that he did not wear long, tight, old-fashioned underwear like his father-in-law and partner, Henry Thompson. Надевая сетчатое белье, Бэббит всегда благодарил бога Прогресса за то, что не носит длинного тесного старомодного белья, как его тесть и компаньон Генри Томпсон. To make himself even more handsome, he combed and smoothed his hair. Чтобы стать еще красивее, он расчесал и пригладил волосы. His forehead immediately became enormous, two inches above the line where the hair had once begun. Лоб у него сразу стал огромным, дюйма на два выше линии, где когда-то начинались волосы. But the greatest miracle was wrought by his glasses. Но самое главное чудо сотворили с ним очки.

Every pair of glasses has its own character - from the important horn-rimmed glasses to the modest pince-nez of a teacher to the silver-rimmed ones of an old farmer. У каждой пары очков есть свой характер — и у важных роговых очков, и у скромного пенсне учителя, и у серебряной оправы старого фермера. Babbitt's glasses were huge round rimless glasses of the best quality, with thin gold ear-pieces. Очки Бэббита представляли собой огромные круглые стекла без оправы, наилучшего качества, с тонкими золотыми дужками для ушей. With them he immediately became a modern businessman who gives orders to clerks, drives a car himself, loves to play golf and scientifically solves the problems of Commerce. В них он сразу становился современным дельцом, который отдает приказания клеркам, сам водит машину, любит поиграть в гольф и по-научному решает проблемы Торговли. With glasses he no longer looked like a child: В очках он уже не походил на ребенка: it was immediately apparent what a large head he had, what a broad, blunt nose, a straight mouth with a long, thick upper lip and an overly fleshy, but determined chin. сразу стало видно, какая у него крупная голова, какой широкий туповатый нос, прямой рот с длинной плотной верхней губой и слишком мясистый, но решительный подбородок. With a dignity that commanded respect, he finished his toilet and in all formal form turned into a Solid Citizen. С достоинством, вызывавшим уважение, он заканчивал туалет и по всей форме превращался в Солидного Гражданина.

His gray suit was well cut, well tailored, and utterly unremarkable. Его серый костюм был отлично скроен, отлично сшит и совершенно ничем не приметен. It was a standard suit. Это был стандартный костюм. The white piping on the vest gave it a serious, important air. Белый кант на жилетке придавал ему серьезность и значительность. Babbitt's shoes were black, laced up, excellent shoes, honest, standard shoes, remarkably uninteresting shoes. Башмаки на Бэббите были черные, шнурованные, отличные башмаки, честные, стандартные башмаки, удивительно неинтересные башмаки. The only thing in which he allowed himself a little frivolity was his dark cherry knitted tie. Единственное, в чем он позволил себе некоторое легкомыслие, — это темно-вишневый вязаный галстук. Accompanying his choice of tie with a long-winded comment addressed to Mrs. Babbitt (who was acrobatically pinning her blouse to her skirt at the back with a safety pin and had not heard a word), he chose the cherry tie over a motley work of art in which brown stringless harps were intertwined with fuzzy palms, and he fastened his chosen tie with a pin in the form of a snake's head with opal eyes. Сопровождая выбор галстука многословным комментарием, обращенным к миссис Бэббит (которая с акробатической ловкостью прикалывала сзади блузку к юбке английской булавкой и ни слова не слышала), он отдал предпочтение вишневому галстуку перед пестрым произведением искусства, где коричневые арфы без струн переплетались с пушистыми пальмами, и заколол выбранный галстук булавкой в виде змеиной головы с опаловыми глазами.

The extraordinary event was the transfer of all the things from the pockets of the brown suit to the pockets of the gray one. Чрезвычайным событием явилось перекладывание всех вещей из карманов коричневого костюма в карманы серого. Babbitt took his things seriously. К своим вещам Бэббит относился серьезно. He saw them as eternal values, the same as baseball or the

Republican Party. Он видел в них вечные ценности, такие же, как бейсбол или республиканская партия. Among these things were an eternal pen and a silver pencil that was always missing a lead; Среди этих вещей были вечная ручка и серебряный карандаш, у которого всегда не хватало грифеля; he carried them in the upper right pocket of his vest. носил он их в правом верхнем кармане жилетки. Without them, he would have felt simply naked. Без них он чувствовал бы себя просто голым. On his watch chain hung a gold penknife, a silver cigar roller, seven keys, two of which were from who knows where, and, in addition, a fine watch. На часовой цепочке висел золотой перочинный ножик, серебряная машинка для сигар, семь ключей, из которых два — неизвестно откуда, и, кроме того, прекрасные часы. At the side of the watch dangled a large yellowish moose tooth - the sign of belonging to the Benevolent and Protective Order of Elks. Сбоку при часах болтался большой желтоватый зуб лося — знак принадлежности к Благодетельному и Покровительственному ордену Лосей. The most important item, however, was a pocket notebook, a brand-new business notebook, in which The addresses of long-forgotten people were written down, and the receipts for postal orders long since received by the addressees; Самым важным предметом, однако, был карманный блокнот, новейший деловой блокнот, где были записаны адреса давно позабытых людей и квитанции почтовых переводов, давным-давно полученных адресатами; there were also dried-up stamps, clippings with poems by T. Cholmondeley Frink and newspaper editorials from which Babbitt drew both his political convictions and a set of learned words; там же лежали пересохшие марки, вырезки со стихами Т Чамондлей Фринка и газетными передовицами, из которых Бэббит черпал и свои политические убеждения, и набор ученых слов; in addition, there were notes with a reminder - to do something he never intended to do, and, finally, there was an incomprehensible entry - D S S D M U P D F. кроме того, там были записки с напоминанием — сделать то, чего он никогда делать не собирался, и, наконец, красовалась непонятная запись — Д С С Д М У П Д Ф.

However, Babbitt did not have a cigarette case. Однако портсигара у Бэббита не было. No one thought of giving him a cigarette case, so he got used to doing without one and considered everyone who had a cigarette case to be a weakling. Никто не догадывался презентовать ему портсигар, поэтому он привык обходиться без него и всех, кто имел портсигары, считал неженками.

After all this, he stuck the Pushers' Club badge into his buttonhole. После всего он воткнул в петлицу значок клуба Толкачей. With the laconism inherent in great art, only two words were embossed on the badge: С лаконичностью, присущей великому искусству, на значке было выбито всего два слова: "Push forward!" «Толкай вперед! Thanks to this badge, Babbitt felt like an honest man, an important man. » Благодаря этому значку Бэббит чувствовал себя честным человеком, значительным человеком. The badge connected him with Good People, with decent, pleasant people who had weight in business circles. Значок связывал его с Хорошими Людьюми, с людьми порядочными, приятными, имевшими вес в деловых кругах. The badge replaced for him the Victoria Cross, the ribbon of the Legion of Honor, the emblem of the student corporation. Значок заменял ему Крест Виктории, ленточку Почетного легиона, эмблему студенческой корпорации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.